

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Статья / Article

УДК / UDC 342.41 (091) (470) «1801»
DOI 10.35231/18136230_2021_1_8

Коронационная грамота Российской империи 1801 года как конституционная хартия

А. В. Гоголевский

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье рассмотрена имеющая данную историографическую традицию проблема конституционного содержания Коронационной грамоты Российской империи 1801 года.

Осуществлен анализ близких к конституционному содержанию статей различных редакций грамоты, в том числе *Nabias corpus*, о порядке введения местных налогов, охране личной собственности, процедуре изменения Судебного Уложения.

Сформулирован вывод, согласно которому различные редакции Коронационной грамоты не несли в себе конституционного содержания, а явились скорее декларацией прав российских подданных, не затрагивая основ самодержавного государственного строя.

Ключевые слова: Уставная грамота Российской империи 1801 года, самодержавное правление, конституция, Негласный комитет, Сенат, конституционное ограничение самодержавия, *Nabias corpus*, декларация прав российских подданных, Судебное Уложение.

Для цитирования: Гоголевский А. В. Коронационная грамота Российской империи 1801 года как конституционная хартия // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 1 (63). С. 8–17. DOI 10.35231/18136230_2021_1_8

Coronation Charter of the Russian Empire of 1801 as a constitutional charter

Aleksandr V. Gogolevskii

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article deals with the problem of the constitutional content of the Coronation Charter of the Russian Empire of 1801, which has this historiographic tradition.

The analysis of articles that are close to the constitutional content of various editions of the charter, including *Habias corpus*, the procedure for introducing local taxes, the protection of personal property, the procedure for changing the Judicial Code is carried out.

The conclusion is formulated according to which the various editions of the Coronation Charter did not carry constitutional content, but were rather a declaration of the rights of Russian subjects, without affecting the foundations of the autocratic state system.

Key words: Charter of the Russian Empire of 1801, autocratic rule, constitution, Secret Committee, Senate, constitutional limitation of autocracy, *Habias corpus*, declaration of the rights of Russian subjects, Judicial Code.

For citation: Gogolevskii, A. V. (2021). Koronacionnaya gramota Rossijskoj imperii 1801 goda kak konstitucionnaya hartiya [Coronation Charter of the Russian Empire of 1801 as a constitutional charter] *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 1(63). pp. 8–17. DOI 10.35231/18136230_2021_1_8 (In Russian).

Введение

Проект Жалованной (Коронационной) грамоты, составлявший к коронации Александра Первого, требует пристального внимания, поскольку в литературе его иногда называют проектом введения конституции¹ [2, с. 45]. Наличие в историографии порой диаметрально противоположных точек зрения в отношении содержания этого реформаторского проекта, разработанного с учётом сложившихся в западноевропейских государствах и в Российской империи политических и юридических реалий, предполагает возможность его дальнейшего научного осмысления.

Проект Коронационной грамоты в научных исследованиях второй половины XIX – первой четверти XX вв.

У названного проекта давняя историографическая традиция. Одним из первых проекта коснулся в биографии Александра Первого, Н.К. Шильдер [7, с. 76–79]. Как он указал, исходя из протоколов заседаний Негласного комитета, в составлении грамоты «деятельно участвовал» граф Александр Романович Воронцов. Н.К. Шильдер сослался и на пометы, оставленные на проекте рукою М.М. Сперанского. Однако, скорее всего

¹ Захаров В.Ю. Российский конституционализм 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли: автореф ... дис. д-ра ист. наук. М., 2010. С. 42.

он располагал проектом, окончательно отредактированным после рассмотрения в Совете при императоре, поскольку им перечислены 26 статей грамоты. Подробно изложив содержание проекта, Н.К. Шильдер, тем не менее, ни словом не обмолвился о конституционном направлении коронационной грамоты. Он не усмотрел ограничения самодержавия ни в новых новеллах грамоты о защите прав подсудимого, ни в ее обещаниях свободы веры, мысли и слова, ни в установленном ею правиле собирать налоги и подати только по императорскому указу, обнародованному через Сенат. Оставил без внимания Н.К. Шильдер и уверение грамоты изменять порядок судопроизводства только императорскими указами по представлению Сената в «общем совещании с коллегиями и равными им местами». Согласно его выводу, некоторые положения грамоты воплотились затем в законы, подтверждавшие лишь прежние, но забытые установления. Содержавшиеся же в ней оригинальные новеллы остались без последствий. Коснулся Н.К. Шильдер и обсуждения в Негласном комитете таких, казалось бы, конституционных ее положений, как процедур судопроизводства, заимствованных из *Habeas corpus*. Он указал на выдвинутые против них возражения, обусловленные необходимостью для правительства иногда нарушать новые установления. Таким образом, Н.К. Шильдер не обнаружил ни малейшей связи между проектом коронационной грамоты и обещаниями дать России конституцию. Не усмотрел ее и А.Н. Пыпин, автор фундаментального труда по истории общественного движения в России в начале XIX в. [4, с. 89]. По его мнению, проект коронационной грамоты, составленный А.Р. Воронцовым, в основном повторил екатерининскую грамоту дворянству, а содержащиеся в нем нововведения вызвали прения и возражения в Негласном комитете.

В позднейшей историографии коронационная грамота стала предметом изысканий В.П. Семенникова, представившего развернутую аргументацию для обоснования вывода об участии А.Н. Радищева в ее составлении, а также опубликовавшего проект грамоты, включающий 26 статей [6]. В.П. Семенников не считал возможным считать проект грамоты конституционным, но усмотрел в нем политическую программу либерализма начала XIX в. и своего рода декларацию прав граждан, полагая, однако, что проект не предусматривал упразднения крепостного права, но позволял существенно улучшить положение крестьян [6, с. 148, 167].

Современные походы к анализу порядка разработки, структуры и содержания проекта Коронационной грамоты

В новейшей историографии развернутый анализ проекта коронационной грамоты осуществлен М.М. Сафоновым и В.Ю. Захаровым [3; 5]. Как известно, подготовку проекта император поручил графу А.Р. Воронцову. В его редакции он насчитывал 20 пунктов и был отправлен Александру Первому не позднее 10 июля 1801 года. Как установил М.М. Сафонов, Негласный комитет 15 и 23 июля 1801 года рассмотрел не сам проект, а замечания к нему, составленные Н.Н. Новосильцовым. Согласно протокольным записям заседания Негласного комитета в публикации М.И. Богдановича, 15 июля предмет обсуждения составили статьи проекта об особых преимуществах дворянского сословия. 23 июля полемику вызвали следующие положения проекта: предоставление крестьянам возможности приобретать в собственность общинные земли, устранение паспортных формальностей, заимствования из Habeas corpus (понятие английского права, гарантирующее личные свободы). О неготовности Негласного комитета гарантировать законом гражданские права свидетельствуют возражения Н.Н. Новосильцова против Habeas corpus. Как он сказал, прежде чем утверждать такое право, следует подумать не будет ли правительство «иногда вынужденно его нарушать, и в таком случае лучше не давать его». По словам Александра Первого, такое же замечание он передал А.Р. Воронцову. Итогом обсуждения стало решение предложить А.Р. Воронцову совместно с Н.Н. Новосильцовым и В.П. Кочубеем составить новый проект на основе высказанных замечаний [1, с. 43]. Более проекта Коронационной грамоты Комитет не касался. Да и сама грамота не оглашалась, оставшись только законотворческим памятником. Тем не менее, его нельзя оставить в стороне, поскольку в нем легко обнаружить отношение к самодержавию, как Александра Первого и членов Негласного комитета, так и представителей сановной бюрократии. Дальнейшую судьбу проекта детально проследил М.М. Сафонов. Согласно ему, 12 августа 1801 года А.Р. Воронцов, Н.Н. Новосильцов и В.П. Кочубей составили новый проект, включивший 28 статей, и представили его императору. Тот внес свою правку, оставив 25 статей, после чего, 9 сентября 1801 года передал на рассмотрение Совета при императоре. Совет одобрил проект с небольшими изменениями. Внимание историографии вызвали несколько статей проекта различных редакций, в которых, казалось бы, можно обнаружить конституционное содержание. В.Ю. Захаров

обратился к статье 17 проекта в редакции А.Р. Воронцова, запрещавшей устанавливать налоги без указа государя, объявленного через Сенат. Тем самым, по его мнению, Сенат получал право утверждать налоги, а граф А.Р. Воронцов стремился превратить Сенат в конституционный орган, контролирующий бюджет. Правда, В.Ю. Захаров прибегнул к существенной оговорке, указав будто бы формулировка статьи 17-й очень туманна, и заключает в себе лишь кое-какое конституционное содержание. Однако вернее обратиться не к тексту А.Р. Воронцова, отражавшего всего лишь его мнение, а к исправленному варианту статьи, после рассмотрения проекта Коронационной грамоты в Негласном комитете и в Совете при императоре. В окончательной редакции она стала двадцать второй статьей и гласила: «Да не существует отныне впредь ни какая подать, налог, сбор денежной или другого какого-либо рода, ниже требование какое без имянного на то указа, в коем подать, налог, сбор или требование изображены будут ясно, и который всенародно объявлен будет по воле нашей от Правительственного Сената, и в сем обнародовании ясно, внятно и недвусмысленно изобразиться, что от кого требуется и сколько. Сим предохранительным средством уничтожатся всякие частные требования или налоги, постановляемые какими-либо начальствами, как-то: городскими правлениями, магистратами, ратушами, цеховыми управами, собранием дворянских предводителей или кем иным; власть же и право объявлять налоги по воле Императорского Величества предоставляется единому Правительствующему Сенату...» [6, с. 191]. Таким образом, указанная статья содержала запрет устанавливать налоги и сборы без указа императора, объявленного через Сенат, исключительно местным властям, не касаясь бюджетирования в целом. Как видим, покушение на прерогативы самодержца в ней обнаружить нелегко. Исполненная рукою А.Р. Воронцова редакция статьи почти сохранилась за исключением внесенной Негласным комитетом правки, согласно которой Сенат мог воспользоваться правом объявлять налоги только по воле императора [6, с. 130, 137]. Существенного внимания заслуживает вывод В.Ю. Захарова о конституционном содержании редакции проекта, состоявшего после поправок Негласного комитета из 28 статей. Согласно ему, статьи 10 (охрана личной собственности всего населения), 11 (буржуазные свободы) 28 (порядок изменения нового Уложения только через Сенат) позволяют усмотреть в ней проект введения конституции. Возможно, и так,

поскольку в основании такого рода утверждения лежит развернутая аргументация. Аналогичного мнения придерживается М.М. Сафонов. Если редакцию А.Р. Воронцова он рассматривал, как воплощение идеи неограниченной самодержавной власти, то вариант, отредактированный Н.Н. Новосильцовым и В.П. Кочубеем, показался ему близким к дворянско-олигархической конституции. М.М. Сафонов в виде довода также сослался на сохранение в редакции Н.Н. Новосильцова и В.П. Кочубея всех положений Habeas corpus и на статью 28 в редакции, представленной Негласным комитетом Александру Первому.

Поскольку проекту Коронационной грамоты император не дал ходу, постольку дискуссия вокруг конституционности ее содержания приобретает сугубо академический характер. В ее развитие можно было предложить следующий тезис: правительственный конституционализм, отраженный в редакциях грамоты, представляется весьма сомнительным. Действительно, сформулированные А.Р. Воронцовым заимствования из Habeas corpus таковы (в редакции проекта, одобренной Советом при императоре): 1. Обвиняемый не считается преступником до обвинительного приговора суда, сохраняя все права и преимущества (ст. 13). 2. Обвиняемому в обязательном порядке предоставляется защитник, но он может воспользоваться правом выбрать защитника по своему усмотрению (ст. 15). 3. Обвиняемый имеет право отвода судей, однако причина отвода должна основываться на законе (ст. 16). 4. Поданных империи позволительно заключать под стражу только уполномоченным по закону властям (ст. 17). 5. Взятым под стражу лицам обвинение должно быть предъявлено в три дня и в тот же срок они обязаны предстать перед судом для разбирательства. Неисполнение указанного требования влечет их немедленное освобождение с правом подачи судебного иска к виновным должностным лицам, (ст. 18). 6. Обвиняемый по суду имеет право освобождения под залог, за исключением, когда обвинение предъявляется в оскорблении императора, государственной измене, умышленном убийстве, разбое, заговоре, изготовлении фальшивых денег, при этом оскорблением императора не считаются письменные или устные, а равно опубликованные высказывания, а только участие в бунте, заговоре, государственной измене (ст. 19). 7. Освобожденный решением суда обвиняемый не может повторно подвергаться преследованию по тому же делу,

само же дело считается окончательно закрытым, без права подачи апелляции (ст. 20) [6, с. 186–190]. Как видим, заимствования из *Habeas corpus* отнюдь не покушались на самодержавие, но легко уживались рядом с ним. В проекте грамоты речь о них шла вовсе не в связи с конституцией, а, как сказано в статье 14-й проекта, по случаю усовершенствования «права, отчасти в российской юриспруденции уже существующего», а также для того, чтобы «основать на твердых и единых для всех званий правилах правосудие в империи нашей». Влияние изменений судебных процедур на судьбу самодержавия представляется весьма сомнительным, ведь идеи *Habeas corpus*, в той или иной степени питали также судебную реформу 1864 года, которая, однако, ни на шаг не продвинула Россию к переходу от самодержавия к конституционному строю. Не могли нанести урон самодержавию и положения различных редакций грамоты о правах и свободах, которые предоставлялись отнюдь не гражданам, о подданным империи. Более того, статья седьмая в редакции, включавшей 26 статей, устанавливала различные условия для соблюдения прав подданных. Она гласила: «Утверждаем и постановляем впредь и навсегда, и нерушимо, что безопасность личная есть право Российскому подданному существенно принадлежащее; почему каждый да пользуется оною сообразно с званием и чиновостоянием своим. Право сие да пребудет всегда под священной стражею закона» [6, с. 184]. Как видим, для каждого из сословий предполагалась только причитающаяся ему безопасность. Более того, коль скоро законы издавались исключительно самодержцем, не существовало препятствий, которые не позволили бы ему принять закон, толкующий безопасность подданных исключительно в интересах самодержавия. Та же статья казалась бы гарантировала право собственности, поскольку провозглашала: «Возобновляем, утверждаем и постановляем, что право собственности движимого и недвижимого имущества есть право Российского подданного, поколику оно свойственно в силу законов каждому чиновостоянию в Государстве» [6, с. 184]. Однако легко видеть, как провозглашенная уставной грамотой гарантия права собственности целиком покоилась на сложившемся при самодержавном правлении разделении общества на сословия и порядке принятия законов. О том же свидетельствует и статья восьмая редакции грамоты из 26-ти статей, будто бы объявлявшая буржуазные свободы. В ней сказано: «Каждый

Российский подданный да пользуется невозбранно свободой мысли, веры или исповедания, богослужения, слова или речи, письма и деяния, поскольку они законам государственным не противны и никому не оскорбительны» [6, с. 185]. Поскольку законы в империи издавались исключительно императором, постольку он мог всегда законным порядком оградить самодержавие от критики, как печатной и устной, так и содержащейся в переписке.

Не наносила также урон самодержавию статья грамоты, устанавливавшая порядок изменения судопроизводства, казалось бы, ставивший под сомнение единоличное законодательное право императора. Вызвавшее пристальное внимание историографии ее содержание таково: «Обеспечив коликó возможно безопасность наших верных подданных, мы почитаем, что блаженство их много от того зависеть может, есть ли всякое судопроизводство, в каких делах бы то ни было, которое столь существенную с законом всегда связь имеет, было поставлено законоположением ясным и неременным; того ради, доколе с помощью Божиею достигнем мы цели нашей в утверждении блаженства России совершением и изданием общего уложения, мы обещаем нашим императорским словом, что мы все узаконенные доселе судопроизводства, обряды, или постановления, наблюдать будем ненарушимо, не делая ничего в отмену оных ни общими, ни частными положениями; но есть ли бы случится могло, что прежние постановления, обряд, или судопроизводство требовали какие-либо отмены, то каждый раз в таком новом деле Правительствующий Сенат обязан взойти в подробное рассмотрение нужных в существующем положении отмен, и для того да устроит о сем общее советование, приглашая тому коллегии и равные им присутственные места, и рассмотрев да учинит положение и внесет нам на утверждение; тогда только таковое новое постановление да имеет силу закона, а все, иначе учреждаемое, законом да не почитается» [6, с. 193–194].

Исходя из содержания статьи, можно предположить, будто бы прерогатива изменять относящиеся к судопроизводству законы вручалась исключительно Сенату, колебля тем самым самодержавную власть. Но так ли? Ведь ключевое положение статьи состоит в том, что новый закон мог вступить в силу только после утверждения императором. Статья изменяла только процедуру представления проекта императору. Из рук глав ведомств она изымалась и передавалась Сенату. Но, «учинив положение», Сенат не мог придать ему силу, поскольку его легко мог отклонить

император. И затем, ничто не препятствовало императору «учинить» и утвердить положение самостоятельно, в обход и коллегий, и Сената, хотя бы по совету членов Негласного комитета. Ведь гарантом исполнения объявленной в статье законодательной процедуры выступало лишь «обещание императорским словом», которое могло быть легко взято обратно, также и как было дано без особых усилий.

Заключение

Обобщая сказанное можно предположить, что различные редакции Коронационной грамоты вовсе не несли в себе конституционного содержания и не представляли для самодержавия ни малейшей угрозы. В них скорее можно видеть обещания неких внутрисистемных реформ, не затрагивавших основ существовавшего государственного строя. Ограничить самодержавную власть могли не декларации Коронационной грамоты, а только избранный гражданами законодательный парламент при условии отсутствия у императора права накладывать непреодолимое вето на его решения и законодательствовать, вводя чрезвычайное положение. Вместе с тем судьба проекта Коронационной грамоты, видимо, была предрешена. Грамота если и не стала проектом конституции, то направления предполагаемых реформ в ней получили видимые очертания. А раз так, то ее оглашение нарушало планы императора и Негласного комитета: вначале коренное изменение административного управления, затем реформы, затрагивающие деспотизм и самодержавную власть.

Список литературы

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. I. СПб., 1869. 539 с.
2. Захаров В.Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 31–52.
3. Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв. Опыт сравнительно-исторического анализа. Часть 2. М., 2017. 646 с.
4. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I: исторические очерки А.Н. Пыпина. Санкт-Петербург: издание «Вестника Европы», 1871. 487 с.
5. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 249 с.
6. Семенников В.П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 468 с.
7. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Том второй. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897. 408 с.

References

1. Bogdanovich, M.I. (1869). *Istoriya carstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossiya v ego vremya* [The history of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time]. St. Petersburg. 539 p. (In Russian).
2. Zaharov, V.YU. (2011). Konstitucionalizm kak variant modernizacii rossijskogo absolyutizma v konce XVIII – pervoj chetverti XIX veka [Constitutionalism as an option for modernizing Russian absolutism in the late XVIII-first quarter of the XIX century]. *Rossijskaya istoriya – Russian History*. No 6. pp. 31–52. (In Russian).
3. Zaharov, V.YU. (2017). *Rossijskij i zarubezhnyj konstitucionalizm konca XVIII – 1-j chetverti XIX vv. Opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza* [Russian and foreign constitutionalism of the end of the XVIII – 1st quarter of the XIX centuries. Experience of comparative historical analysis]. Part 2. Moscow. 646 p. (In Russian).
4. Pypin, A.N. (1871). *Obshchestvennoe dvizhenie pri Aleksandre I* [Social movement under Alexander I]. St. Petersburg. 487 p. (In Russian).
5. Safonov, M.M. (1988). *Problema reform v pravitel'svennoj politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX v.* [The problem of reforms in Russian government policy at the turn of the 18th and 19th centuries]. Leningrad. 249 p. (In Russian).
6. Semennikov, V.P. (1923). *Radishchev: Ocherki i issledovaniya* [Radishchev: Essays and research]. M-Pg. 467 p. (In Russian).
7. SHil'der, N.K. (1897). *Imperator Aleksandr Pervyj. Ego zhizn' i carstvovanie* [Emperor Alexander the First. His life and reign]. Tom II. St. Petersburg. 460 p. (In Russian).

Об авторе

Гоголевский Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

About the author

Aleksandr V. Gogolevskii, Dr. Sci. (Hist.), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

Поступила в редакцию: 09.02.2021

Received: 09 February 2021

Принята к публикации: 26.02.2021

Accepted: 26 February 2021

Опубликована: 29.03.2021

Published: 29 March 2021